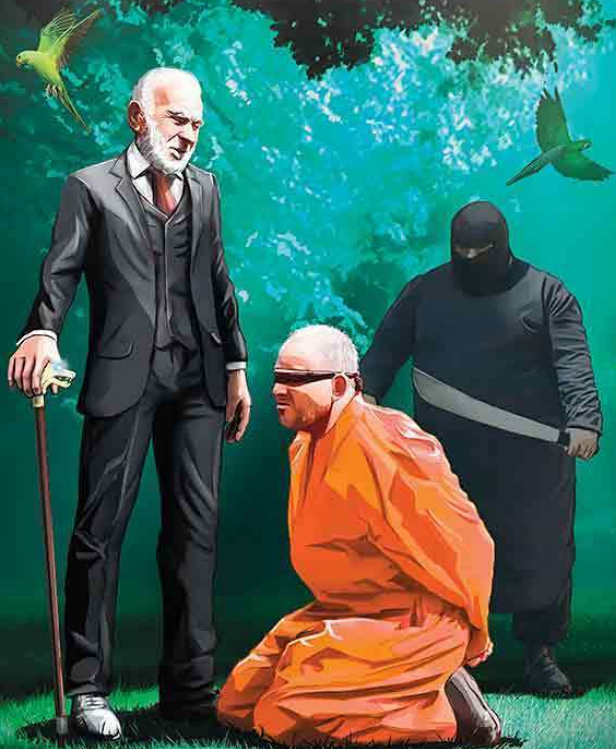

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

УБИЙСТВО В ВОРСХОТЕНЕ

Владимир Владимирович Корнилов

Убийство в Ворсхотене

Серия «Публицистический роман»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32527633
Владимир Корнилов «Убийство в Ворсхотене». Серия
«Публицистический роман»: Питер; СПб.; 2018
ISBN 978-5-4461-0779-7

Аннотация

Ночь в лесу недалеко от элитного голландского городка Ворсхотен. Главный герой – российский разведчик – становится свидетелем жестокого убийства, и сам превращается из охотника в жертву. Скрываться от киллеров, выслеживать убийц, распутывать клубок международных интриг – как далеко зайдет герой, чтобы предотвратить глобальный вооруженный конфликт и вместе с тем не провалить российскую разведмиссию?

Голландский спецназ, джихадисты-киллеры и депутаты Европарламента – все переплелось в этом захватывающем шпионском детективе.

«Убийство в Ворсхотене» – художественный дебют известного политолога и историка Владимира Корнилова.

Автор предупреждает: книга является исключительно плодом воображения, а все совпадения дат, имен и географических

названий – случайность, не имеющая ничего общего с реальностью. Почти ничего...

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Воскресенье, 20 июля 2014 г	6
Понедельник, 21 июля 2014 г	41
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Владимир Корнилов

Убийство в Ворсхотене

Сюжет романа является исключительно плодом воображения автора. Любые совпадения имен, географических названий и исторических событий абсолютно случайны и не имеют ничего общего с реальностью. Поверьте, реальность гораздо суровее.

Воскресенье, 20 июля 2014 г

Владимир Лазарев скорым шагом следовал по длинному коридору международного терминала Шереметьево. Он не любил очередей на границе, а потому, пользуясь привилегией пассажиров бизнес-класса, стремился попасть к пограничному контролю в числе первых. Лазарев прекрасно знал этот терминал: сейчас налево, эскалатор вниз – и он у цели... Еще стоя на эскалаторе, Лазарев разочарованно вздохнул – зал был битком набит, очереди стояли немалые. Во всяком случае, в будки «Для иностранных граждан», куда должен был направиться и он.

«С полчаса уйдет, не меньше», – разочарованно подумал Владимир, занимая очередь.

Перед ним стояли женщина с мальчиком лет десяти. Оба говорили между собой по-русски. Ребенок указал маме на быстро двигавшуюся и гораздо более короткую очередь, уходившую под надпись «Для граждан Союзного государства (РФ и Беларусь)». «Мама, а разве гражданам России не сюда?» – неуверенно спросил мальчик. Мамаша тут же авторитетно пояснила смущенному малышу: «Это для граждан государств, являющихся союзниками России». Лазарев ухмыльнулся, но разубеждать пару не стал – в конце концов, десять сэкономленных минут ожидания в очереди не стоят утраты авторитета родительницы в глазах ребятенка. Союз-

ники так союзники...

Хвост за Лазаревым выстроился очень быстро – поднялись пассажиры экономкласса его, амстердамского, рейса. Владимир с сочувствием взглянул на пристраивающихся сзади пассажиров. И хотел бы их предупредить, что из-за него им придется стоять дольше. Но как он мог объяснить, какие проблемы для них сейчас начнутся? А что начнется, он хорошо себе представлял – уже не раз было проверено.

– Вы каким рейсом прилетели? – дежурно спросила курносая девушка с пограничными погонами лейтенанта. – Амстердам? Цель визита? Командировка?...

А дальше началась привычная заминка. Курносая вдруг напустила на себя задумчивый вид, вглядываясь в монитор стоящего перед ней компьютера, и начала выжидательно постукивать по столу колечком на правой руке.

Лазарев понимал, что происходит в данный момент. Компьютер строго-настрого велел курносой пограничнице сообщить о приезде иностранца в дежурный отдел ФСБ аэропорта. Там должны были принять сигнал, передать «по команде» сообщение о визите «голландского гостя» и ждать подтверждения из Центра о том, что «клиент принят». Раньше это все как-то проходило быстрее. Но в последнее время, похоже, шереметьевские чекисты разленились. Однажды Лазареву пришлось простоять в сторонке минут 15, ожидая подтверждения, – в то время шел какой-то решающий матч сборной России по футболу. Потому-то он и сочувствовал

стоявшим за ним в очереди. На этот раз процедура заняла не столь длительное время. Минуты через две ожидания курносая резко оживилась, поставила штамп в его голландском паспорте и пожелала всего хорошего.

Осталось забрать багаж. Приезжая куда-то на день-два, как сейчас, он старался ехать налегке, только с ручной кладью. Эх, если б не йеневер, не пришлось бы сейчас томиться в ожидании легкой сумки. Но булькающие сувениры, хочешь не хочешь, последние годы приходилось сдавать в багаж. А какой смысл ехать в Москву без «булькающего»?

В общей сложности на путь от выхода с «Боинга» до зала ожидания у него ушел почти час. С учетом того, что и самолет припозднился не меньше чем на полчаса, Лазарев засомневался, ждет ли его Анжела внутри аэропорта или надо будет ее сейчас вызванивать. Но как только перед ним открылись раздвижные двери «зеленого коридора», он увидел ее.

Не увидеть такую женщину было сложно. Стройная, подтянутая блондинка в ярко-красном платье и в не менее ярких туфлях. Юбка была на этот раз не очень короткой, но с высоким вырезом выше правого колена, за которым уже виднелись подтяжки чулочков. И конечно, декольте! Такое декольте, которое приковывало взоры даже проходивших мимо пассажиров, обвешанных чемоданами, детьми и гневно пытавшимися одернуть их женами.

Вокруг Анжелы крутился какой-то плюгавенький тип кав-

казской наружности. Он что-то рассказывал ей, но, истекая слюной, все время пялился лишь на ее грудь. «Да уж, знал бы ты, во сколько эта грудь ей обошлась!» – подумал про себя Владимир. Он сам точно уже не помнил сумму, но хорошо запомнил, как он изумлялся ее размеру, когда Анжела рассказывала об операции.

Лазарев слегка цыкнул на вождедеющего ухажера, после чего кавказец резко отскочил, что-то недовольно бурча под нос.

– Что, соблазнял?

– Не поверишь, говорил, что у него есть армянский коньяк!

– Армянский? Вау! Не спросила, сколько звезд? Девушка смешно фыркнула.

– Я думала уже, если ты сейчас не придешь, не выдержу и поеду пить эту амброзию, – промурчала Анжела, припав к устам гостя (он отчетливо уловил вкус джина). Женщина обвила его высвободившейся из выреза ногой и нежно потрепала шевелюру. Трудно было не возбудиться в такой ситуации. Анжела чуть отстранилась, приложив руку к ширинке. – Что, соскучились оба?

Какая-то бабуля в оранжевом жилете и со шваброй в руке, проходя мимо, гневно взглянула на парочку, оценив весь эротизм картины. Но Анжела зыркнула на бабушку таким испепеляющим взглядом, что та моментально унеслась на своей швабре куда-то в дальний конец зала, явно сокрушаясь по

поводу вконец разложившегося и окончательно потерянного поколения. Лазарев снова усмехнулся – он хорошо знал, как Анжела умеет строить уборщиц, швейцаров и милицию.

– О, да ты неплохо загорел! – заметила шикарно загоревшая Анжела. – Неужто на юга съездил?

– Ой, да какие в наши дни юга, – отмахнулся Владимир, вспомнив, что он еще даже не приступал к планированию обещанного августовского вывоза на море своей девушки. – У себя там загорал, на южном побережье Северного моря.

– Ты ж всегда говорил, у вас там лета не бывает. Только весна и осень, – сказала Анжела, уже отмахиваясь от назойливых таксистов на выходе из терминала.

– Да вот не поверишь, несколько дней пекло выше 30 градусов держалось, чего я в Голландии не видел с десятков лет последних.

На удивление, на улице было даже попрохладнее, чем в Голландии, – где-то в районе 25 градусов. После 35-градусной жары Схипхола казалось, что попал в летний рай. Однако рубашка под легким пиджаком все равно взмокла. Лазарев мысленно посокрушался, что пришлось надеть костюм. Если бы не завтрашняя встреча с префектом, он оделся бы полегче. Но тащить костюм в кофре, добавляя себе багажа, тем более не хотелось. Так что пришлось ехать в этом одеянии.

– Машину далеко поставила? – спросил Лазарев, хорошо зная ответ заранее.

– Нет, здесь, на стоянке такси, – Анжела нажала на ключ, ее «мерс» пискнул в ответ, сразу разбудив стоящего возле него парня в жилете с надписью «Такси». «Вы что себе позволяете!» – начал было он, но тут же осекся, глядя на проплывающее мимо декольте Анжелы. Та жизнерадостно помахала парню ручкой и, как ни в чем не бывало, села в авто, стоящее между желтыми кебами с шашечками. Парень так с открытым ртом и стоял, провожая взглядом вырез на платье шофера.

– Давай я поведу, – предложил Владимир. – Ты ж пила. С гаишниками не будет проблем?

Анжела снова фыркнула:

– Что за старомодное словечко такое! Гаишники! Сразу видно старорежимного человека! У нас уж куча лет как гибэдэдэшники на дорогах заправляют.

– Ага, а с этими самыми «дэшниками» проблем меньше, чем с гаишниками? – Лазарев спрашивал для проформы. Во-первых, он знал, что Анжела никого не пускает за руль своего «мерса». Во-вторых, он не раз видал, что она делает с несчастными гаишниками, рискнувшими остановить ее и подвернувшимися под горячую руку. Причем, как ему кажется, видал он это еще в бытность гибэдэдэшников гаишниками. Хотя по этому поводу мог и ошибаться – пойди сейчас вспомни, когда ГАИ переименовали.

– Слушай, а правда, что на Украине гаишники называются «Дои»? – поинтересовалась Анжела.

– Ага, что-то среднее между «Дои» и «Дай».

– Это что, официально?! Во приколы! Я думала, это розыгрыш такой! До чего ж честный народ: все называют своими именами... Да, я тебе, зайчик мой, заказала твой любимый «Сибирский ресторан». Все как ты любишь, – промурлыкала девица, входя в роль заботливой любовницы.

– О, спасибо, что напомнила, – отреагировал на «зайчика» Лазарев, потянувшись за своим «российским» телефоном. – Мне ж позвонить надо в Гаагу.

– Что, своей красавице звонить будешь? Как она...

– Тсс-с, – оборвал ее Лазарев. Таня довольно быстро подняла трубку. Не хватало еще, чтобы она услышала воркующий голос водителя.

«Привет, мой хороший! – Татьяна начала говорить ментально, не дожидаясь приветствия с этой стороны. – Ты уже долетел? Как там погода? Лучше, чем у нас? Как прошел полет? Все ли хорошо? Мы с Димочкой уже соскучились, любименький мой». Ответить на все вопросы сразу было затруднительно.

– Да, моя радость, долетел без приключений. Только чуток опоздали, да и очередь в Шереметьево пришлось отстоять. Но я уже в такси (Ангела возмущенно покачала головой, но звука дисциплинированно не проронила). Тут приятная прохлада. Не то что в нашей жаркой Гааге. Тоже соскучился уже по вам, мои лапушки.

Лазарев перевел дух, пытаясь вспомнить, на все ли вопро-

сы ему удалось ответить в ходе этого спича. Танечке было достаточно такой передышки, чтобы затараторить в трубку снова: «Ты умничка, что долетел. Мне сейчас надо бежать на встречу. Ты ж не забыл, мой хороший, о чем мы договаривались? Я в Лондон лечу в среду, и ты обещал Диму к себе взять на пару ночей. О-кей? Помнишь?» Попробовал бы он забыть!

– Конечно, помню, моя родненькая. Не переживай, нам с ним будет весело.

«Только не позволяй ему все время за "икс-боксом" сидеть! И не корми его пиццей, а то он уже в штаны не влезает ни в какие!» – строго неслось из телефонной трубки...

– Ой, какие телячьи нежности! – ухмыльнулась Анжела, дождавшись, когда ее пассажир положил телефон в карман. – «Лапушка», «любименькая»! Да я смотрю, у вас там далеко уже все зашло.

Лазареву было неприятно обсуждать свою любимую девушку с Анжелой. Взгляда было достаточно, чтобы та все поняла и больше к этой теме не возвращалась. Тем более что ее внимание уже переключилось на пробку и пытавшихся втиснуться перед ней конкурентов по трассе. Владимир, приезжая в Москву после дорог Голландии, никак не мог привыкнуть, что тут сигнал поворота означал предупреждение, а не просьбу пропустить, поэтому всегда шарахался, когда какое-то авто с правого или левого ряда пыталось резко прыгнуть под колеса их мерседеса.

– Мда, никогда я не смог бы жить в Москве, – произнес Лазарев, стараясь окончательно переключить тему с Тани и «лапушек». – Не понимаю, как полжизни можно проводить в пробках.

– Что?! – искренне удивилась Анжела. – Пробки?! И ты это называешь пробкой?! Да это просто трасса «Формулы-1», а не пробка. Совсем вы там разбаловались на вашей Холландщине! Нет, ты знаешь, новый мэр – он в этом смысле молодец. Обещал навести порядок с пробками – и намного полегче теперь стало...

Какой бы «Формулой» ни была эта трасса, но дорога в центр Белокаменной заняла почти полтора часа. Наверное, это было неплохо для воскресного вечера, когда вся Москва возвращалась с дач. Но все-таки после Голландии...

– Вот и твой любимый ресторан с твоей любимой русской кухней, мой лапушка – Анжела припарковала машину под знаком «Стоянка запрещена» и выключила мотор.

– Да вообще-то, моя радость, русская кухня не является моей любимой. Я гурман-космополит. Последнее время вот на сычуаньскую кухню подсел как-то. Но ты же знаешь, итальянские, испанские, греческие, китайские рестораны – этого добра у меня достаточно. А вот настоящих сибирских пельменей в Нидерландах отведать негде.

Практически каждый раз, когда он приезжал в Москву, они с Анжелой ходили именно в этот ресторан. Это было удобно во всех отношениях. Вечером он всегда был забит

под завязку. Соответственно, если кто и следил за ними, не зная их дальнейших планов, то пробраться туда сквозь бдительную охрану ему было бы сложно. Но Лазарев тщательно контролировал дорогу – слежки не было. Впрочем, как и обычно.

В ресторане их посадили недалеко от большого полярного вертолета.

– Слушай, по-моему, раньше он был зеленый, – неуверенно сказал Лазарев, разглядывая яркую желто-белую раскрасочку стоящей перед ним машины.

– Да? – равнодушно оторвалась от меню Ангела, взглянув на вертолет. – Может быть. Мне под туфли подошел бы сейчас красный. Можно у них заказывать смену цвета в следующий раз под одежду?

– Я ж тебе уже рассказывал, как его сюда затаскивали?

– Да, зайчик, – Ангела уже решительно отложила меню. – И про то, как его распиливали на части, рассказывал. И про то, что открытие ресторана на полгода отложили из-за этого. И про то, что знаешь это от владелицы. Да, и еще о том, что под стеклянным полом течет вода, якобы доставленная из Оби.

– Ну да, есть и такая байка. Хотя, конечно, это чистой воды байка.

– Ага, чистой обийной воды. Или обойной? Или обейной? Как правильно-то?

– Ну, судя по наличию Обской губы и Обского залива –

видимо, обской. Кстати, не поверишь, в этом году в центре Гааги стояла скульптура в виде огромной чугунной задницы, которая почему-то называлась «Обь».

Их лингвистическо-страноведческие изыскания были прерваны вышколенным официантом, пришедшим за заказом. Официант был настолько вышколенный, что ему даже почти удалось не пялиться в декольте Анжелы. Почти удалось...

Лазарев знал, что ему сегодня еще предстоит трапеза. Но во-первых, он не ел за день ничего, кроме какой-то размазни, поданной в самолете. А во-вторых, как он уже объяснял девушке, где б он еще отведал строганины, мантов и местных замечательных настоек? В общем, как ни старался голландский гость сдержаться, но традиционный набор оригинальной выпивки в шести рюмочках, вставленных в брусок дерева, оказался на столе. Поделили они с Анжелой их традиционно: все ягодные настойки полегче выпила она, настойки на хрене, кедре и оленьих пантах поглотил ее ухажер, под конец вечера запутавшийся, где же перед ним манты, а где – панты.

Когда они вышли из «Сибирского», уже было около одиннадцати. Несмотря на столь позднее время, Москва была запружена машинами и толпами людей.

– Я на минутку заскочу в гастрономчик, – предупредила Анжела, садясь за руль уже в изрядном подпитии. – А то я тебе еще не успела икру купить, как ты просил.

– Они еще открыты в это время?

– Ну, ты даешь! Это ж Москва! «Moscow never sleeps», – пропела девушка, направив «мерс» в поток его еле ползущих собратьев.

Да, это был еще один контраст с тихой Гаагой. Там рестораны тоже работали допоздна, на улицах в центре в это время еще толпились галдящие посетители всевозможных вечеринок и кофешопов. Но найти работающий магазин, лавку, аптеку или киоск в такое время было делом почти нереальным.

Было уже ближе к полуночи, когда красный «мерс» свернул с оживленной трассы у высотки МИДа и нырнул в арку между двумя невзрачными девятиэтажками на Смоленской улице. На этот раз Анжела более тщательно выбрала место для парковки. «Видимо, с соседями ссориться будет подороже, чем с гаишниками или таксистами», – подумал про себя Владимир, вспомнив тяжбы со своими голландскими соседями.

В тускло освещенном подъезде все было таким же серым и невзрачным, как сам дом. Правда, возле дверей лифта ярко белела свежая вывеска: «Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят!»

– Лозунг ленивых уборщиц, – ухмыльнулся Лазарев.

– Не, ну а чо? Правда же написана! – воскликнула Анжела. – Не гадыте где попало, и все будет чисто!

Владимир про себя отметил, как всего одна фраза сбила с его спутницы маску светской львицы, обнажив на секунду натуру заядлой домохозяйки, любительницы домашних та-

почек и мыльных опер.

Квартира Анжелы выглядела, как и положено выглядеть обиталищу элитной московской куртизанки: розовые шторы, будуар, который хорошо было видно из коридора за открытой дверью спальни, мягкие ковры в каждой комнате. Квартира была явно спланирована так, чтобы сношаться можно было буквально на ее каждом квадратном метре, на каждом предмете мебели, включая сами розовые шторы. Как только парочка переступила порог, ее окутала приятная прохлада. Кондиционер был еще одной роскошью, обычно неведомой голландским жилищам.

Прямо у порога Анжела набросилась на гостя. Они слились в горячем поцелуе. И слегка захмелевший Лазарев снова почувствовал желание. Такая девушка не могла не возбуждать. Его рука прошла по тугим чулкам, оказалась под разрезом, уже залезла под резинку тоненьких трусиков. Анжела застонала, прижавшись к нему и жарко целуя сначала ухо, а затем спускаясь к плечу, параллельно расстегивая верхние пуговицы рубашки. Еще чуть-чуть...

Тут раздался звонок его «голландского» телефона. Анжела с разочарованным стоном оторвалась от гостя, демонстративно надула губки и направилась в просторный зал, призывно повиливая бедрами.

«Привет, – закричал на английском языке Макс. – Извини, если поздно. Но я тебе звонил уже несколько раз, ты не отвечал».

Владимир быстренько проверил телефон и действительно обнаружил пару пропущенных звонков – видимо, не расслышал в шумном ресторане.

– Ничего страшного, – начал говорить он и слегка закашлялся.

– О, судя по твоему прерывистому дыханию, ты там времени зря не теряешь! – воскликнул Макс. – Я тебя там от секса не оторвал? Все та же? Анжела? Или кого-то еще завел?

– Судя по тому, как ты орешь, ты тоже там развлекаешься, – парировал Лазарев. – Говори, что за дело? А то я чуток занят.

– Я тебе хочу напомнить о том, что префект ждет тебя завтра в 14:00. Его контакты – у тебя в мейле. Пожалуйста, постарайся. Нам очень нужно разрешение на реконструкцию офиса, а то все ремонтные работы остановлены. Мы еле пробивались к нему.

Лазарев тяжело вздохнул:

– Да, я помню. Что смогу, сделаю. Развлекайся там.

Дав отбой, он заглянул в зал, где Анжела уже зажгла свечи и чуть притушила основной свет люстры:

– Я жду тебя, дорогой мой.

– Сейчас, моя девочка, приму душ – и я у твоих ног, – ответил Лазарев. Он прихватил с собой все свои пожитки и направился в сторону ванной.

– Тебе потереть спинку, мой мальчик? – голос Анжелы

звучал очень задорно.

– Спасибо, моя радость, я быстренько. Подожди.

Когда Владимир уже закрывал дверь в ванную комнату, Анжела издали крикнула: «Я жду тебя, мой малыш. И твоего гиганта тоже жду!»

«Хм, гиганта», – ухмыльнулся Лазарев, сбросив наконец с себя опостылевшую одежду и критично разглядывая этого самого гиганта. Слава богу, уже успокоившегося после «околодверной» прелюдии.

Ванная комната, на самом деле, представляла собой огромный ослепительно белый зал, в котором санузел был совмещен с большими гардеробами и шкафами. В них и забросил свои вещи Владимир. Он с сожалением посмотрел на джакузи – после утомительного перелета и настоек на пантах очень неплохо было бы поваляться в нем. Лазарев прикрыл на секунду глаза и с вожделением вспомнил, как они с Анжелой обновили эту ванну сразу после ее установки. Эх, давно это было!

Но сейчас времени особо не было – Лазарев помнил, что его ждали за стеной. Поэтому он забрался в душ, быстренько помылся под прохладной водой, смывая с себя непривычную голландскую жару, дорожный пот и небольшое опьянение от настоек. Из душа он вышел свежим и бодрым. Пожелал эс-эмэской «спокойной ночи» Танечке с Димасей, будучи уверенным, что они и без того давно уже спят, после чего перевел все телефоны в беззвучный режим, аккуратно сложив их

на белой табуретке возле гардероба. Накинул на себя коричневый толстый халат, вытащил из сумки объемную бутылку йеневера и собрался уже выходить, когда услышал вибрирование «голландского» телефона. На нем высветилось послание от Тани: «Спокойной тебе ночи, любимый мой. Дима уже спит. И я уже укладываюсь. Но без тебя несладенько совсем. Мы сильно скучаем. Приезжай скорее. Целую тебя всюду-всюду». Владимир почувствовал укол, угрызение совести, вспомнив свои страстные поцелуи с Анжелой. Вздыхнув, он направился в зал, прижимая к халату бутылку.

Хозяйка квартиры уже облачилась в розовый короткий халатик и пушистые розовые же тапочки со смешными завязками. Она расположилась в кресле напротив телевизора, нацепив на себя наушники и глядя воскресное политическое ток-шоу на Первом канале. Судя по кадрам, говорили об Украине и сбитем «Боинге». «Домашние тапки и мыльная опера», – сразу вспомнил свою недавнюю аналогию Лазарев.

Увидев своего гостя, Анжела улыбнулась и вопросительно показала куда-то между ног – под халатиком, конечно же, не было одежды. Он жестом извинился и показал на часы. Она безразлично пожала плечами, нажала лежащий рядом пульт и снова уставилась в беззвучный телевизор. Из спальни раздались их голоса, стоны и звуки поцелуев. Владимир ухмыльнулся, вспомнив, как они долго записывали эту «серию». Он открыл дверь платяного шкафа, раздвинул вешалки с одеждой, нажал известную ему комбинацию на замке и

открыл еле заметную дверцу на задней стороне шкафа.

Лазарев вошел в едва освещенную квартиру. Собственно, из осветительных приборов там была только тусклая лампа с зеленым абажуром над столом посередине комнаты, а также большой монитор, на котором красовалась Анжела в кресле.

– Ну, здравия желаю, товарищ полковник, – из темноты возле экрана выступила массивная мужская фигура.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – ответил Лазарев. Мужчины крепко обнялись, троекратно расцеловав друг друга.

– Ну-ну, не торопись, – ответил хозяин. – Боюсь, меня на пенсию раньше выпрут, чем генерал-полковника дадут.

– Да ладно там, я ж представляю, какая у вас сейчас нехватка кадров в связи с Украиной. Так что пенсия тебе не грозит.

– Насчет Украины – это да. Перебросили на это направление даже тех, кто никогда ею не занимался, в том числе кое-кого из нашего отдела. Представляешь, пришлось отдать одного из лучших спецов по Румынии. Мне сказали: это же все равно рядом. Не, представляешь? Рядом!

Перед Лазаревым был его непосредственный начальник – Константин Потапов, начальник отдела Европы Службы внешней разведки. Грузный, уже довольно седой, с соломенными усами, он представлял собой эдакую уникальную смесь типичного русского барина с повадками типичного лондонского денди. На русскую щедрую хлебосольную душу нало-

жили отпечаток годы разведслужбы в Британии. Видя своего начальника, Лазарев почему-то всегда представлял его с длинной курительной трубкой в руках, в чулках и кафтане. Убрать усы – ну вылитый граф Илья Ростов в Английском клубе!

– Милости просим к столу, – тут же подтвердил свою хлебосольность усатый «граф Ростов».

Только сейчас Лазарев обратил внимание на сам стол, стоящий под абажуром. Посередине возвышался запотевший хрустальный графинчик, наполненный почти до краев, две рюмки из того же сервиза. Рядом лежала нехитрая снедь – черный деревенский хлеб, какие-то нарезки, соленья, боочечек кваса с двумя стаканами. А возле самого графина лежали изумрудно-зеленые, гигантские стебли лучка. На них застыли капельки воды. Оказавшиеся между лучами от лампы и отражением от графина, они блестели и переливались какими-то невообразимыми огоньками.

– «Волшебно зеленел лук», – почти продекламировал Лазарев, глядя на эту красоту.

– Это откуда такое? – заинтересованно улыбнулся его начальник. Его усы всегда смешно топорщились, когда он улыбался.

– Если не ошибаюсь, это из воспоминаний Юрия Олеши. Там что-то было такое: «Волшебно зеленел лук... Заказываю эскалоп... Я взбодрен». Мастер был описать застолье!

– Да он не только описать застолье мог, насколько мне

помнится, – закряхтел, усаживаясь за стол Потапов. – Помнится, читал я про него в серии ЖЗЛ. Мастер и выпить был, и закусить. В общем, знал этот предмет, так ссать, изнутри.

– Да уж, я помню, что ты любитель этой серии, – уселся за стол и Лазарев. – Поди, все тома прочитал?

Вообще-то, Владимир был сторонником субординации и никогда не называл своих начальников на «ты». Но с Потаповым у него были давние приятельские отношения, еще до того, как тот стал начальником. В свое время Потапов занимал практически ту же позицию в Британии, какую сейчас Лазарев имеет в Голландии, но был вынужден срочно эвакуироваться еще в середине 1990-х, когда практически всю его сеть раскрыл перебежавший в Англию полковник Милугин. Затем долгие годы Потапов был куратором Лазарева и его основным московским «контактом». Переходить на «вы» после повышения «графа Ростова» до начальника отдела как-то было уже не с руки.

Уже сидя за столом, Лазарев внимательнее осмотрел своего начальника. Тот несколько сдал за те несколько месяцев, что они не виделись, – чуток растолстел (наверное, больше подходило слово «погрузнел»), сильно поседел, палец на руке был перебинтован, а плечи пиджака покрывала перхоть. Перехватив взгляд собеседника, Потапов поспешил объяснить:

– Это на самом деле не перхоть. Это что-то вроде псориаза. Стареем, брат. Я вот на таблетки активно подсел. Ног-

ти почему-то на руках постоянно вращаться начали, – помахал бинтом генерал. – Так что готовься, скоро и тебя сия участь ждет. Но пока будем заниматься профилактикой.

Потапов начал разливать водочку и квас. А Лазарев, спохватившись, вернулся за оставленной на тумбочке у входа в «шкаф» бутылкой йеневера.

– Чуть не забыл. На этот раз я тебе пятилетний йеневер привез. Очень недурственный. Рекомендую.

– Для тебя у меня тоже сюрпризец припасен, под заказ, – Потапов развернул какой-то сверток, лежавший на столе. Внутри оказалось несколько палок черной колбасы.

– Боже! – воскликнул Лазарев. – Неужто махан?

– Ага, настоящий, макеевский. Как ты любишь. Свеженький, «урожай» 2014 года! Доставлено прямиком из Донецкой народной республики, курьер вез на груди под бомбами и снарядами.

– Даже не знаю, насколько волосатая грудь курьера добавляет вкусовых качеств махану, – хмыкнул Владимир. – Но дареной конине, как грится, в зубы не смотрят.

Потапов поставил бутылку на стол, но нечаянно нажал пульт, лежавший там же. Из экрана полились страстные стоны Лазарева и крики оргазма Анжелы. Та как будто почувствовала взгляды мужчин, посмотрев в камеру и послав воздушный поцелуй в их сторону.

– Ах, какая женщина! Мечта поэта! – закатил глаза Потапов, почему-то изобразив кавказский акцент. – Я чуть сам не

кончил, когда смотрел вашу сцену страсти у дверей. Кстати, если хочешь, можешь закончить начатое, я подожду. Ты ж знаешь, девушка совсем не против.

– А сам-то чего не воспользуешься? – подмигнул Лазарев.

– Не, нам нельзя злоупотреблять положением, – вздохнул генерал. – Это ж все равно что на служебном автомобиле на дачу кататься.

– Ох, представляю, что было бы, если б Ангела тебя сейчас услышала, – рассмеялся Владимир.

– Да что было бы. «Получил бы две короткие затрещины»...

– А это откуда?

– Как! Да вы, батенька, лишены счастья каждодневно слушать радио «Шансон»! А мне вот, стоит зазеваться и вовремя не надавать по рукам водителю, приходится потом слушать это дело сутками напролет.

– Стоп, погоди, – припомнил Лазарев. – Господи, это ж Высоцкий! Я ж в детстве это сто раз слушал. Надо будет как-то вспомнить песни его. Вашими стараниями мне песни другой эпохи приходится слушать теперь. Зато благодаря этому я знаю, кто такой Бен Бенцианов.

– Ну, будя уже разговоров, пора и водочку принимать, уважаемый, – отрезал генерал, поднимая рюмку. – Давай за встречу. За то, чтоб не последняя.

Лазарев, выпив и занюхав «волшебно зеленевшим» луком (все-таки первую же не закусывают), аккуратненько нарезал

махан. Это была его любимая колбаса детства, «донецкий национальный продукт», как любил называть его разведчик. Приезжая в Донбасс к родственникам, он первым делом покупал по несколько палок махана, сделанного именно в Макеевке, по каноническим рецептам тамошних татар. Нигде подобного продукта больше было не сыскать – ни в Москве, ни даже в Поволжье. Волжский казы, по мнению Лазарева, ни в какое сравнение не шел с макеевским маханом. Но с началом войны в Донбассе путь к этой отраде был для разведчика закрыт...

Главное, надо было нарезать эту колбаску потоньше – чтобы аж просвечивала! Лазарев аккуратно сложил порезанные кусочки на блюдо вокруг лучка.

– О, теперь «волшебнo чернеет махан», – продекламировал Потапов.

Лазарев закинул кусочек в рот и сделал паузу, наслаждаясь тем, как махан буквально тает у него на языке. Потом он поинтересовался у начальника:

– Все понимаю. Но давно хочу спросить: зачем столько мер предосторожности? Уж сколько лет уходим от слежки, которой нет и не предвидится. Кто за мной в Москве следить-то будет? Ты ж знаешь, что сейчас европейские спецслужбы разленились, считая, что слежки по мобилкам и гаджетам вполне достаточно. Положил себе мобилку в сторонку – и работай себе спокойно.

– Береженого бог бережет. Ты не представляешь, что сей-

час в спецслужбах Запада делается в связи с Украиной, Крымом, Донбассом. Да и твои голландцы сейчас уже с ума сходят по поводу сбитого «Боинга». Все спецслужбы у них там... у вас там уже на ушах стоят. Готовься, что и тебя снова проверять и перепроверять будут со всех сторон. Как в добрые старые времена. Так что лучше не рисковать.

– Ну, насчет «Боинга» – вы же знаете, кто его сбил? – на всякий случай решил поинтересоваться Владимир.

– Конечно, знаем, – вздохнул Потапов. – А ты уверен, что ты хочешь это знать?

Лазарев задумался на мгновение.

– Нет, наверное, не хочу.

– Вот и правильно. Меньше знаешь – лучше спишь. Хотя в таком разе ты б уже и спать не смог бы – с таким-то объемом информации. Ну, давай за женщин наших, – поднял тост генерал и, опрокинув рюмку, поинтересовался: – Твоя-то девушка не сильно там нервничает? У нее ж младший брат, насколько мне помнится, где-то на Украине сейчас?

– Переживает, конечно. У нас же практически все родственники в Донбассе, на линии фронта. Как тут не переживать?

Потапов помрачнел, налил третью рюмку, так и не закусив после первых двух, и произнес «обязательный» тост «За разведку».

– Смотри, аккуратнее там, – слегка помолчав, сказал генерал, наконец позволивший себе соленья. – Нет, девушку

твою мы проверили сто раз, за ней ничего подозрительного. Я имею в виду... В общем, наша служба, ты знаешь, «и опасна, и трудна». В случае «шухера» девушке сердце не разбей. Да и себе тоже...

Генерал снова впал в «молчанку». Лазарев уже не раз замечал это за Потаповым, когда речь заходила о подобной теме или о его экстренной эвакуации из Лондона, но как-то раньше не решался спросить.

– Что, кто-то остался там, на Альбионе?

Потапов какое-то время молчал, глядя сквозь пустую рюмку на лампу в изумрудном абажуре, переворачивая хрусталь из стороны в сторону. Потом глубоко вздохнул:

– Понимаешь ли, Владимир Анатольевич... Ведь мне пришлось бросить все, что там было... И всех... Эх, многое бы я отдал за то, чтобы встретить где-нибудь этого Милугина и отплатить ему за всех сданных ребят и за... Ну, и за себя тоже... Я бы и полония на этого предателя не пожалел.

Генерал молча налил рюмки, чокнулся и молча выпил. На него это было не похоже: Потапов был искренним противником питья без тостов, считая это проявлением алкоголизма.

– Ладно, давай к делу, – решительно сказал генерал. – А то мы тут до утра пропьем, а у тебя сегодня работы немало.

Собеседники перешли в кабинет, напичканный аппаратурой наблюдения за каждой из комнат соседней квартиры. В стороне стоял письменный стол, на котором сиротливо чернел ноутбук и рядом валялась парочка буклетов с пометкой

«Строго секретно. Для служебного пользования».

– Во-первых, вот тебе все последние инструкции и правила, – Потапов небрежно бросил перед своим подчиненным буклеты.

– Хе, а ты знаешь, меня с помощью этих бюллетеней и завербовали в Контору в свое время, – Лазарев быстренько пролистал буклеты и отложил их в сторону.

– Это как же?

– В 88-м пришли ко мне вербовщики, стали рассказывать о прелестях службы. А потом говорят: «Мы сейчас докажем, как мы вам доверяем! Вот смотрите: внутренние бюллетени КГБ. Видите, тут пометка “Для служебного пользования”? А мы вам даем в руки, можете этот совершенно секретный документ просмотреть». Чтобы ты не сомневался, весь тот буклет содержал лишь речь главы КГБ Чебрикова на 19-й партконференции, которая была за месяц до того напечатана во всех советских газетах.

Усы Потапова довольно зашевелились.

– 88-й? Салага ты еще. Я в 88-м уже газоны Гайд-парка топтал, входил в доверие масс... А это ж получается, ты не застал в Школе Кима Филби, моего «воспитателя»?

– Нет, он как раз умер перед моим поступлением. Хорош учитель был?

– Ну, как тебе сказать... Он был живой легендой на тот момент, считался у нас знатоком всего британского. Он и страноведение почитывал в небольшом объеме – старый уже

был. И с нами, нелегалами, возился. Объяснял, как пить чай, какими приборами пользоваться. Правда, когда я приехал в Англию и попытался применить все эти знания, на меня смотрели как на идиота допотопного – Филби-то не был в стране с 60-х, так что практически все его церемонии были уже уделом стариков... А еще я помню, как он нам постоянно повторял: «Если поймают, главное – все отрицайте. Все и всегда отрицайте!» Вот такая вот наука была. Не знаю, как она пригодилась бы, если б поймали...

Лазарев сел за ноутбук, понимая, что там – все его «домашнее задание» на ночь.

– Значит так, – деловито начал Потапов, похаживая по комнате с заложенными за спину руками. – Повторюсь: в связи с «Боингом» и ситуацией на Украине переходим в самый осторожный режим. Ты у них, как говорили в «Каса-бланке», «usual suspect», так что наверняка тебя сейчас снова будут проверять и перепроверять, в этом даже не сомневайся. Выходим на контакт только в самом крайнем случае и только через посредников с подстраховкой... Что у тебя с вербовкой этого типа из Министерства обороны?

– Да в принципе клиент созрел, можно брать, – ответил Лазарев, слегка отодвинув ноутбук. В данный момент нельзя было распылять внимание на несколько тем обсуждения. – Мы все проверили, он действительно нуждается в солидной сумме денег и готов мать родную продать ради этого, а не только Родину. Готов поставлять информацию, но нужно для

начала ему тыщ хотя бы сорок подогнуть.

Сказав это, Лазарев уже заранее знал, какова будет дальнейшая реакция начальника. Эта песня была вечной, но при этом он знал и тот факт, что все равно его запрос утвердят.

– Ну, ты ж у насходишь в топ-100 самых богатых людей Голландии, – подтвердил ожидания Лазарева его начальник. – Для тебя эти тыщ сорок – копейки.

– Вообще-то, в топ-200, – уточнил Владимир. – И мы с тобой отлично знаем, что я не могу пользоваться этими деньгами, поскольку: а) это и не деньги вовсе, а стоимость моей компании, и эта стоимость рухнет быстро, если цены на нефть продолжат падение...

– Падение? С чего бы это? – удивился его собеседник.

– ...И б) все эти деньги в Нидерландах строго подотчетны и подконтрольны. Графы «На подкуп чиновника Министерства обороны» мой бухгалтер не поймет. Константин Алексеич, ну мы ж сто раз это обсуждали. Зачем снова начинать-то?

– Хе, обсуждали-обсуждали, буржуй недорезанный. Ладно, передадут тебе с посылкой 50 тысяч евро на эти нужды, деньги уже у атташе, можешь завтра забирать.

– Завтра? К чему такая срочность-то?

– Вот то-то и оно, что срочность. Надо ускорить процесс вербовки данного типа. Военная разведка просит нас разобраться в непонятной ситуации с Мали. Почему-то тамошний голландский спецназ срочно снимается с базы и пакует

свои манатки. Все держится в строгой секретности, даже сами бойцы не понимают, куда и в связи с чем их так срочно перебрасывают. Совершенно непонятно. А непонятно в нашем деле быть не должно, как ты понимаешь. Если получится, надо бы как можно быстрее попытаться выбить из твоего клиента данные о том, в связи с чем и, главное, куда перебрасываются командос. Хоть какие-нибудь намеки.

– Понял, встречусь завтра вечером. Точнее, уже сегодня, – посмотрев на часы ноутбука, уточнил Лазарев. – Посылку приму тоже сегодня вечером.

– Вот и ладненько. Только еще раз прошу: аккуратнее, береги себя...

– Слушаюсь, товарищ генерал! Буду беречь... Что с информацией от нашего журналистика из «Посткранта»? Ценной оказалась?

– Ну, как тебе сказать, – Потапов наконец перестал ходить по комнате и сел на противоположной стороне стола, опершись руками о спинку стула. – В принципе, все это можно было выудить при желании из открытых или полуоткрытых источников. То есть Америки он для нас не открыл. Но в целом, думаю, пригодится. И он, и его сайт о военных вооружениях. Так что работа в правильном направлении. А он что, в самом деле уверен, что завербован МИ-6?

– Ага, возомнил себя Джеймс-Бондом и жутко доволен собой. Русских терпеть не может, поэтому нам надо было убедить его в том, что его вербует Ее Величество.

– Ну, пусть и дальше служит во славу британской коро- ны. Я представляю, как он приедет когда-нибудь в Лондон и пойдет к королеве просить рыцарское звание в качестве ве- терана МИ-6.

Мужчины дружно рассмеялись.

– А напомним: как ты на него вышел? – уточнил Потапов.

– Если честно, это он на меня вышел. Он для своего сай- та пару лет назад делал статью о структуре российских спец- служб. Ну, и понятное дело, ко мне обратился – я ведь, как ты заметил, «usual suspect». Я ему что-то формальное отве- тил, но в разработку взял.

– А вербовкой занимался наш пидорок? Лазарев слегка скривился при этом слове.

– Что такое?! – делано возмущился Потапов. – Неполит- корректненько? Ну, извините, сэр! В мою бытность «евро- пейцем» пидора можно было назвать пидором в любом лон- донском пабе – и никто глаза при этом не закатывал.

– Ну, ты же знаешь, что этот «пидорок» (как вы изволи- ли выразиться, сэр) завербовал наших ценнейших агентов в высших кругах Нидерландов.

– Да знаю, знаю, – примирительно сказал генерал. – Эх, где те золотые времена, когда ты мог заснять двух голубков в постели – и тебе уже на блюдечке два готовые агента!

– Что ж, времена Альфреда Редля далеко в прошлом, то- варищ генерал. Теперь эти товарищи тебе еще и приплатят, чтобы ты сие видео в Ютуб выложил, их умения прорекла-

мировав.

– Эх, не трави душу... По пятьдесят на коня? Да я побегу уже.

– Заметьте, не я это предложил! – ответил Лазарев, вставая из-за стола и возвращаясь в комнату с «волшебным черневым маханом».

На большом мониторе уже «крутили» пустой зал соседней квартиры – Анжелы в кресле не было. Потапов взял пульт у монитора, переключил канал на камеру спальни. Анжела, укутавшись в теплое одеяло, уже мирно спала в своем будуаре.

– «Ах, какая женщина, какааааая женщина! Мне б такую!» – пропел генерал, наливая по чарке. – Ну, на коня!

Выпив да изрядно закусив соленьями, Потапов тут же налил еще по одной.

– Мы ж «на коня» уже выпили, – напомнил Лазарев. Честно говоря, он уже изрядно захмелел, а ночь предстояла еще долгой, рабочей. Но оба прекрасно понимали, что отказать генералу он все равно не сможет.

– О, сразу видно, что вы, батенька, из донских казаков, а не кубанских. Это у вас один прощальный тост, а у нас – пятнадцать: на посошок, под бурку, под саблю, а уже в конце – коню в морду.

– Ты забыл еще один, самый прощальный.

– Это какой же? – заинтересованно спросил генерал, чуть было не переливший водку через край рюмки.

– Шапошный. Швыряешь шапку об пол, говоришь: «Да пошло оно все! Никуда не поеду!»

– Ладно-ладно, намек понял, – посмеиваясь, сказал Потапов. – Давай выпьем-таки «коню в морду». Я баиньки, а ты работай давай. Кстати, тебе ж завтра еще день тут пахать. Могу порекомендовать наши таблеточки особые, для тонусу. Очень помогает, проверено на личном опыте.

Генерал выложил на стол пластинку с какими-то белыми капсулами. Лазарев поморщился:

– Ты ж знаешь, я терпеть не могу химии. Похмелья у меня, слава богу, по утрам нет. А остальное не страшно.

– Да это не антипохмелин, это для бодрости духа. При чем, смею тебя заверить, очень даже здорово и легально. На основе мельдония сделано. Слыхал о таком? Его даже олимпийцам можно, я сам проверял.

– Ну, пусть олимпийцы и пьют. Им рекорды бить, а нам всего лишь гравировать их имена на кубках. Я предпочитаю без таблеток обходиться, – отрезал Лазарев, вставая из-за стола. – Ты мне лучше скажи: неужто наши не могут помочь нам с мелочным вопросом по поводу переоборудования офиса? Ну, вот не лежит у меня душа встречаться с этим префектом. Ты ж знаешь, я чиновников на дух не перевариваю.

– Нет уж, нет уж, херр Лазарев. Ваши бизнес-дела – это ваши бизнес-дела, Контору в этот грязный бизнес не вмешивайте. Ну, сам посуди, если мы начнем звонить открыто каж-

дому бюрократу и говорить: «Помогите нашему разведчику в Голландии, подайте ему на офис-другой». Как думаешь, через какое время тебя сдадут?

Лазарев обреченно вздохнул. Уже в дверях Потапов стукнул себя по лбу:

– Да, чуть не забыл! Совсем старый стал... Обрати внимание, там у тебя файл в ноуте на молодого ученого одного. Что-то там по квантовым компьютерам, что ли... В общем, надо б помочь его пристроить в одну программку при Эйндховенском университете – у них как раз открылась нужная нам позиция по этой специальности. Твои рекрутеры в курсе, но ты держи на контроле... И не забудь завтра оставить свой компьютер у Анжелы, наши кудесники тебе завтра обновят там кое-что... Все, ушел. Береги себя!

На этих словах генерал снова обнял своего подчиненного и вышел, помахав напоследок подаренной бутылкой йеневера. Прелесть этой базы заключалась в том, что она на самом деле была переоборудована под офис из двух квартир, а выход из нее был через два подъезда от квартиры Анжелы, с торца здания. Так что если кто теоретически и мог проследить Лазарева до подъезда «любовницы», то он вряд ли мог заметить выходявшего с другой стороны здания Потапова.

Оставшись один, Лазарев еще раз взглянул на экран. Анжела всегда спала совершенно голой, одеяло слегка сползло с нее, обнажив красивую искусственную грудь – ту самую, которая заставила горячего кавказца в Шереметьево истекать

слуюной. «Эх, сколько ж армянского коньяка сегодня было выпито, чтоб залить воспоминания о твоей груди, Анжелочка!» – вздохнул Лазарев.

Анжела была его московской связной уже больше десяти лет. Лазарев понятия не имел, состояла ли она на службе официально или работала «на подряде», да это было и неважно. Зная, какова она в постели, он понимал, что благодаря ей было подцеплено на крючок немало иностранных «гостей столицы». Соблазнила она его пару-другую раз, не больше, хотя исправно пыталась делать это регулярно – все-таки он был ее заданием. Лазарев снова вспомнил свое сегодняшнее возбуждение и уже опустившуюся резинку от трусиков Анжелы. И вновь его остро кольнуло чувство вины перед Таней.

Владимир внимательно присмотрелся к лицу спящей куртизанки, слегка приблизив ее изображение на экране. Поразительно, за эти годы она фактически не изменилась! Ну, то есть ни капельки! Лазареву вспомнился фильм «Игры разума» с Расселом Кроу. Там герой фильма понял, что он болен шизофренией, увидев, что его «воображаемые друзья» с годами совсем не взрослеют.

«Может, и у меня шизофрения уже? – подумал Владимир, глядя на нестареющую Анжелу. – Тогда почему же так быстро стареет Потапов?»

Вздохнув, Лазарев вернулся в рабочий кабинет. Потеплее укутавшись в халат, он уселся у ноутбука. Сначала надо было

заполнить множество форм, отчитаться о потраченных средствах, ответить на какие-то опросники. А затем следовало переварить и тщательно запомнить массу нужной и, самое печальное, ненужной информации. Раньше ему это давалось довольно легко – в «разведшколе» при Институте КГБ их тщательно обучали методике запоминания данных. Но годы брали свое. Нет, он так же легко запоминал текстовые данные, но вот цифры запоминались все с большим трудом. Понятное дело, ноутбук не был подключен к какой-либо сети и даже не имел никаких разъемов для внешних накопителей данных. Поэтому Лазарев взял ненужные бюллетени и на их обложках начал записывать в столбик все цифры, которые ему необходимо было запомнить. Так легче будет с утра повторить пройденное.

Мониторы мерно гудели, нагоняя сон. Голова работала все тяжелее и тяжелее. Через час Лазарев начал понимать, что уже ничего не понимает.

– До Штирлица так и не дошло послание Центра. Он перечитал еще раз. Но опять не дошло, – громко произнес Лазарев и помахал в сторону записывающей его камеры. Он неплохо представлял себе расположение здешней аппаратуры.

Разведчик прошел в санузел, умылся ледяной водой, слегка отогнав хмель. Вроде бы соображать стало легче. Он снова сел за ноут и начал усиленно работать, переваривая массу данных. Однако оказалось, что хмель отступил совсем нена-

долго. Мониторы все так же гудели, алкогольные пары обволакивали, зевота стала безудержной. Лазарев повертел в руках оставленную Потаповым плитку с таблетками. Как его там? Мальдоний? Мельданий? Полковник решительно отложил таблетки в сторону. Он все-таки надеялся успеть доделать работу и вздремнуть хоть чуток – чудодейственные «олимпийские» таблетки могли бы стать помехой этому плану.

Где-то ближе к шести часам он закончил чтение. Можно было покемарить с часок-другой. Посмотрев на испещренные цифрами обложки бюллетеней, Лазарев с досадой покачал головой: черт его знает, как ему может пригодиться львиная доля этой информации, которой его пытались накачать! Он устроился на кожаном диване кабинета. Было очень неудобно – все-таки базу оборудовали под офис, а не под жилье. Пойти, что ли, к Анжеле? Но нет, он знал, чем это может закончиться...

Понедельник, 21 июля 2014 г

Ровно через час Лазарев проснулся довольно бодрым. Это была одна из особенностей его организма: он мог пробудиться без всяких будильников в назначенное время. «Прямо как Штирлиц, – всегда поражалась Таня, уточняя при этом: – Ты случайно не из шпионов?» На что следовал дежурный ответ: «Штирлиц никогда не был так близок к провалу». И дался ему сегодня этот Штирлиц!..

Лазарев взглянул на монитор – Анжела еще спала. Он снова пробежался глазами по цифрам, пытаясь сопоставить их с данными, осевшими в голове: вроде все сходилось. После этого бюллетени полетели в урну. В конце концов, сюда доступ имели только свои, поэтому уничтожение улики было не его заботой. Пусть пользуются, если надо.

Завернув оставшиеся палки махана в пакет, разведчик тихонечко прошел через «шкаф» в квартиру Анжелы. Теперь следовало осторожно пробраться в спальню и разыграть сцену взаимного пробуждения. И хоть они оба знали, что их наверняка никто не слушает, Потапов был прав: береженого бог бережет.

Пока беречься особого смысла не было. Квартира Анжелы была напичкана аппаратурой, но все записи делались все теми же своими. Все потенциальные «жучки» могли быть только где-то в вещах или гаджетах Лазарева, которые все еще

хранились в ванной. Туда «проснувшийся» Владимир и направился. Снова приняв душ, он надел костюмные брюки и достал свежую синюю рубашку. Пришлось слегка повозиться с серебряными запонками в виде львов, недавно подаренными Таней. Он и сам любил запонки, но Танюша просто обожала мужчин с этим вышедшим из моды аксессуаром, поэтому по поводу и без дарила запонки своему любимому – у него теперь была их самая невообразимая коллекция.

Взяв с собой ноутбук, пошел на кухню. Готовя кофе, он слегка поморщился, вспоминая, что последние три месяца мучается со своей «супер-пупер-навороченной» кофейной машиной дома в Гааге. Она периодически отказывалась работать, а тащить ее в ремонт было или некогда, или чаще всего лень.

Лазарев сделал двойной эспрессо, опрокинул его почти залпом, сделал еще двойную порцию и уже с ней устроился за свой ноутбук полистать новости и свежие котировки. В первую очередь его интересовало, ввела ли Европа санкции против России или еще нет. Оказалось, что обещают их на завтра, на вторник. Госсекретарь Керри уже назначил «виновных» в сбитом «Боинге», эвакуация тел в Голландию начнется со дня на день («Стало быть, прилечу раньше», – подумал Лазарев), Украина наращивает темпы наступления на Донецк и Луганск... Лазарев посмотрел на часы, маме в Донецк уже можно было бы позвонить, но он почему-то не хотел делать это при Анжеле.

Та, заспанная, растрепанная, но не менее соблазнительная, уже появилась на кухне в своем розовом халатике.

– Буду салатик делать, – зевая, сказала она. – Ты все так же не завтракаешь по утрам?

– Я и по ночам не завтракаю, – не отрываясь от компьютера, сказал Лазарев.

Увидев, что он уже одет, да еще с лэптопом и мобилками, Анжела вспомнила о своей роли:

– Боже, мой мальчик, как же вы с твоим Гигантом были хороши сегодня! Хочу еще...

Ее голос звучал томно и призывно. Лазарев улыбнулся, достал кошелек и отсчитал три новенькие купюры по 500 евро. Он, само собой, мог этого не делать – в конце концов, он был заданием Анжелы, ее уже «предоплаченной» работой. Но так уж у них повелось: все должно выглядеть натуральным, считал Лазарев. Да и Анжела никогда не возражала против честно заработанного гонорара. Вот и сейчас она быстренько пересчитала купюры и промурлыкала:

– Спасибо, мой хороший.

– Да не за что, моя радость. Тем более что в Голландии это все равно не деньги.

– Как не деньги?! – Анжела испуганно посмотрела купюры на свет.

– Да вот, не поверишь, у них там купюры по 500 евро не берет никто, практически запрещены к хождению. Говорят, подделывают часто. Не переживай, эти настоящие...

Анжела успокоилась, открыла стоявшую на тумбочке шкатулку – то ли малахитовую, то ли «под малахит» – и аккуратно сложила туда «заработок».

– Кстати, давно хотела спросить твоего совета. У меня тут баксиков поднакопилось. А все говорят, доллар будет падать в ближайшее время, поэтому лучше хранить сбережения в рублях.

– В рублях? – Лазарев на секунду оторвался от новостей. – Почему в рублях-то?!

– Ну, я читала, что Россия в ответ на санкции откажется продавать нефть за доллары, что-то там выведет из американских резервов – доллар в итоге рухнет.

– Хм, я с этой «игровой концепцией» не очень знаком, – скептически протянул Владимир. – А сейчас доллар почему?

– Где-то 35–36 рублей. А неделю назад было 37. Так что доллар вниз пошел. Я вот и боюсь.

– Знаешь что, мое золотко, чтобы уж наверняка, храни деньги в трех-четырех валютах сразу. Тогда не ошибешься. Если одна из них пойдет вниз, не поверишь, другая подорожает. Так что в любом случае не ошибешься... Да, и я тебе еще твои любимые голландские вафли привез, как обычно.

– Мм-мммм... Обожаю! Ты знаешь, сколько в Москве ни пытаюсь найти что-то похожее – нигде таких вкусных нет... Тебя сегодня повозить по городу?

– Нет, из офиса уже должны были прислать машину. Потом в аэропорт забросишь? У меня вылет в шесть. Так что в

четыре желательно быть в Шереметьево.

– Не вопрос. А ты с префектом своим успеешь-то?

– Да я надеюсь, мы за полчаса с ним все решим. Так что на дорогу у нас будет где-то полтора часа. Прорвемся?

– Не вопрос опять-таки. Лето, пробок почти нет.

Лазарев недоверчиво хмыкнул. После голландского трафика движение в Москве для него выглядело сплошной и безостановочной пробкой. Он легким кивком показал Анжеле на ноутбук, закрыв крышку. Выключать его было нельзя, поскольку спецы, которые вот-вот должны были прийти за ним, без его отпечатка пальца включить компьютер не смогли бы. Девушка понимающе кивнула...

Выйдя на улицу, Лазарев сразу у подъезда увидел черный «Ауди» представительского класса. Он присвистнул. Макс сообщал о том, что одобрил покупку новой машины для московского офиса, но ее стоимостью Лазарев не поинтересовался.

– Ничего себе! Мы такого авто в Голландии себе позволить не можем, – приветливо сказал он мрачному водителю, стоящему рядом с машиной. Тот презрительно взглянул на вышедшего из подъезда «нищеврода» и пошел открывать багажник. Ни тебе «здрасьте», ни «доброе утро». По всему видать, шоферу не успели сообщить, что возить он сегодня будет владельца фирмы.

Как только авто завелось, из динамика раздалась какая-то бластная абсурдная песня без рифмы и ритма о «тюремном

батюшке». Лазарев сразу вспомнил сетования Потапова по поводу пыток «Шансоном» и вежливо попросил водителя:

– Я вас очень прошу, переключите на что-то не блатное.

Водитель обиженно засопел, но, не проронив ни звука, каналы все-таки переключил. Теперь по радио говорили о некоем флешмобе, который должен был доказать, насколько хорошо жилось в 90-е по сравнению с «суровыми» 2000-м. Лазарев поневоле вспомнил свои 90-е.

Никакой особой ностальгии по тем временам он не испытывал. Тяжелое было время, что ни говори. Окончив свою «разведшколу» как раз в период полного распада, Лазарев оказался перед дилеммой: продолжать службу или вливаться в ряды своих массово увольнявшихся коллег, которые устраивались в различные охранные структуры. Контора, как и вся страна, переживала далеко не самые лучшие времена. Практически полное отсутствие финансирования, перманентные сокращения штатов, чуть ли не полный отказ от гостайны – сотрудники ЦРУ уже чуть ли не гуляли по коридорам. Его долго готовили для заброски в Нидерланды, годами оттачивали его легенду. А уже в первой половине 90-х все эти легенды можно было выбросить в мусорную корзину. Что говорить, если даже парторг их Института свалил в Штаты со всей базой данных на студентов, включая «нелегалов», и «преподов»!

Дальнейшее продвижение по службе зависело целиком и полностью от смекалки юного дипломированного, но так и

не состоявшегося разведчика. Для внешнего мира он официально был уволен со службы и прибил к молодым бизнесменам, организовавшим бизнес по поставке голландских тюльпанов в Россию. Само собой, под своей настоящей фамилией, не скрывая ни своей предыдущей биографии, ни факта службы, – а какой смысл, если где-то в Лэнгли уже лишили его личное дело?

Первая половина 90-х стала для юного Лазарева настоящей борьбой за выживание. Пришлось пройти через бандитские разборки, лично сопровождать грузы до Москвы, отбиваться от «цветочной мафии», пытавшейся обложить данью всех без разбора и за провоз по «ее территории», и за места на рынках. Особенно лютовали московские чеченцы, не раз нападавшие на их конвой. Пришлось прибегать к старым связям в Конторе. Попытки чеченской мафии брать дань закончились в тот момент, когда ее боевики открыли одну из фур якобы с цветами, а там оказались бойцы «Альфы», вооруженные автоматами «Вал» и даже крупнокалиберным пулеметом «Утес». С тех пор крупные мафиози знали, что у Лазарева есть надежная «крыша». Но это не защищало от гопников на большой дороге, которые периодически пытались сбивать дань вплоть до конца 90-х. Владимир сам порой ездил с «Валом» до польской границы, оставляя там автомат своим помощникам.

Лазарев прошел всю дорогу от мелкого бизнесмена до крупного. Сначала создал свою фирму, поставляющую цве-

ты. Затем, когда цветами стали заниматься все кому не лень, начал продавать в СНГ голландские мини-пекарни. Ну а во второй половине 90-х окончательно перешел на более крупный бизнес, связанный с нефтью, газом и нефтегазовым оборудованием. Честно говоря, разведчик терпеть не мог бизнес и все с ним связанное. Именно поэтому он нанял своим заместителем Макса, молодого и пронырливого голландского юриста, который поначалу помогал ему с регистрацией и решением вопросов с налоговыми органами. Вскоре Макс стал незаменимым помощником по всем бизнес-вопросам, на него Лазарев переложил львиную долю бюрократических процедур и даже сделал его официальным партнером, передав незначительную часть акций.

Порой Лазарев приходил в отчаяние, не представляя толком, служит ли он еще Родине или в самом деле является уволенным сотрудником некогда мощной спецслужбы. Нет, его постоянно заверяли в Москве, что на самом-то деле он является кадровым разведчиком, продвигается где-то по службе и званиям, награжден каким-то юбилейным значком или еще что-то в этом роде. Но задания, которые приходилось выполнять, скорее напоминали имитацию серьезной работы, чем разведку. Лазарев чувствовал свою ненужность Системе, своей стране, и это его бесило.

Как это ни парадоксально, резкому его продвижению по службе способствовало бегство Милугина – того самого, который погубил лондонскую карьеру Потапова. Предатель в

середине 90-х сдал практически всю российскую разведсеть в Британии и Скандинавии. Краем этого гигантского предательства зацепило и Голландию – Центру пришлось эвакуировать массу разведчиков и агентов. Лазарев внезапно проснулся главой резидентуры целого Бенилюкса. Звучало это, конечно, солидно, но сеть пришлось создавать фактически с нуля. По мере роста значимости Брюсселя как столицы ЕС и преодоления кризиса в России (и, соответственно, в Управлении) решено было поделить резидентуры. Лазарев остался «на Голландии», Бельгией и Люксембургом занялись отдельно. А затем начались 2000-е и настоящая работа разведчика. Благо отдел Европы возглавил профессионал Потапов, который досконально знал, что и как следует делать...

– Приехали, – прервал воспоминания Лазарева водитель. Это был первый произнесенный им звук за все утро, если не считать обиженного сопения, не прекращавшегося всю дорогу после отключения его любимого «Шансона».

Владимир от неожиданности вздрогнул. Да, машина действительно уже стояла у входа в старенькое шестиэтажное здание в Старомонетном переулке. Задрипанная дверь, неприветливый охранник на входе... С одной стороны, Лазарев понимал, почему Макс и его московский директор хотят поскорее переехать в новый навороченный офис в недавно отстроенном бизнес-центре, – уж больно запущенно и непрестижно выглядело здание в Старомонетном, где в свое время Владимир снял четвертый этаж для своей компании, до-

бавив к нему вскоре и пятый под рекрутинговое агентство. Но Лазареву нравилось местоположение старого офиса – до Кремля и Москвы-реки рукой подать. А Солнечный округ, где возвели коробки новых офисов, находился у черта на куличках. Добираться из центра будет проблемой – Лазарев не мог преодолеть свою ненависть к московским пробкам.

В просторном офисе его же собственной компании Лазарева уже ждал не так давно назначенный директор российского представительства Николай Куличенко. Он услужливо предложил «шефу» свое огромное кожаное кресло, но Лазарев махнул рукой, попросив лишь очередную порцию двойного эспresso. Времени было не так уж и много, поэтому он быстро пробежал взглядом положенную перед ним кипу бумажных отчетов и отложил их в сторону – пусть Макс занимается этой бюрократией. Оставил лишь докладную записку о необходимости переоборудовать новый офис путем объединения нескольких кабинетов. Как это обычно бывает, не успели туда въехать, а уже выяснилось, что получение разрешения на переоборудование – это череда массы согласований и бюрократических проволочек, на которые мог уйти год, не меньше. Все эти проблемы можно было решить моментно лишь встречей с префектом округа, а переговоры с тем мог вести только владелец бизнеса и никак не ниже.

Обсудив с услужливым Куличенко несколько деталей будущей встречи и взяв папку с планом переоборудования офиса, Лазарев пошел этажом выше, в рекрутинговое агент-

ство. Его он создал лет 7–8 назад по собственной инициативе и очень гордился этой затеей. Нет, особо денег она не приносила и не могла принести, поэтому Макс искренне не понимал данного проекта и в нем не участвовал. Но вот Управление сразу оценило сию идею по заслуге. Как рассказывал Потапов, этот опыт теперь перенесли уже и на другие страны. Идея была проста до невозможности: агентство набирало на постсоветском пространстве специалистов для фирм и корпораций Бенилюкса, практически легально внедряя российских агентов – причем некоторые из этих агентов могли порой и не знать, что уже стали таковыми, будучи свято уверенными, что едут заниматься бизнесом и только бизнесом. Единственным посвященным в истинное положение дел был начальник московского офиса агентства Сергей Васильев, являющийся, как и Лазарев, прямым подчиненным Потапова. Формально он уже был на пенсии, так что должность в рекрутинговом агентстве была для него «постработой», как это называлось в Конторе. Внешне выглядело вполне природным, что «бывший кагэбэшник» Лазарев набирает в свои офисы своих бывших коллег.

Владимир обсудил со своим формальным подчиненным состояние вещей, отдельно поговорили о перспективах «компьютерного гения», которого Потапов просил пристроить в Эйндховен. Честно говоря, разведчик не был уверен, выполнял ли он в данном случае просьбу просто «по благу» или же внедрял будущего агента. В любом случае, если это

и агент, то он будет подчиняться не Лазареву – в противном случае ему предоставили бы гораздо более полное досье на компьютерщика.

Васильев традиционно предложил приезжему начальнику отобедать. Но Лазарев старался днем не есть – он знал, что после практически бессонной ночи обед сделал бы его полностью неработоспособным. Поэтому снова кофе, вода и целый ряд звонков по работе, в том числе Анжеле с просьбой привезти «забытый» у нее дома ноутбук. С «голландского» телефона Лазарев позвонил Тиму Арендсу, тому самому аналитику голландского Минобороны, чью вербовку надо было ускорить. Договорились встретиться в два часа ночи в ночном клубе «Табу». Удивительного не было ни во времени, ни в месте встречи – это было буквально через дорогу от одного из любимых Арендсом казино, клуб работал до трех часов и обычно к этому времени народ уже начинал разбредаться, освобождая и приватные кабинеты в дальнем конце клуба. Во всяком случае, Арендс обрадовался встрече – видимо понимая, что пришло его время заработать.

Уже перед самым выездом из офиса Владимир позвонил с айпада по скайпу в Донецк маме. До войны он названивал матери раз в месяц-два. Но после того как украинские войска начали регулярно и жестко обстреливать его родной город, старался делать это если не каждый день, то хотя бы раз в пару дней. Старушке скоро исполнялось 80, она в детстве пережила одну страшную войну и никогда не помышляла,

что на старости лет окажется в центре еще одной. Конечно, это очень тяжело давалось и ей, и ее сыну. Лазарев пытался уговорить маму уехать, пожить какое-то время у российских родственников, но она категорически отказывалась. В принципе, он ее понимал – в таком возрасте тяжелые переезды с пожитками и житье фактически на положении беженца может убить быстрее, чем шальной снаряд какого-нибудь «правого сектора».

Разговор с мамой был коротким и довольно дежурным. Как обычно, рассказала о том, что выстрелы были сильными – в последние недели Донецк регулярно обстреливался из района аэропорта. Как обычно, поспрашивала про Таню и Диму, которых она видела только по скайпу, но уже любила всей душой. Как обычно, вздыхала по поводу того, когда же ее сын уже женится. Владимир, в свою очередь, в который раз предложил организовать переезд и в который раз поинтересовался, достаточно ли у мамы денег, еды и лекарств. На этом разговор закончился. Отключив скайп, Лазарев некоторое время посидел молча. Мысли о маме последнее время не давали ему покоя. Она жила в самом центре Донецка, куда обычно снаряды не долетали. Но каждое новое известие об очередном артобстреле или авианалете порождало массу мыслей, которые Лазарев безуспешно пытался от себя отгонять. Больше всего на свете ему хотелось приехать в Донецк, обнять маму, успокоить ее. Но если раньше он мог позволить себе такое путешествие, то, пока идет вой-

на, путь туда ему заказан – такой поездкой в «непризнанную республику» он мог поставить под угрозу свою собственную миссию.

Однако пора было уже ехать к префекту. Попрощавшись со своими московскими подчиненными, Лазарев сел все в тот же «Ауди», снова подивившись такой тяге московских бизнесменов к вовсе не обязательной показухе, или «статусности», как любили говаривать его российские коллеги. Что и говорить, голландские бизнесмены были в этом смысле поскромнее...

В машине уже играл «Шансон». Но почему-то на этот раз у Лазарева не было ни сил, ни желания вступать в спор по поводу репертуара – в конце концов, лучше послушать несколько блатных песен, чем потом всю дорогу снова терпеть обиженное сопение водителя. Владимир даже попробовал вникнуть в смысл какой-то блатной песни, пытаясь найти что-то общее с шансонье вроде Эдит Пиаф или Шарлем Азнавуром и понять, почему же в России завывания в стиле «за это срок нам набавляли» называли французским словом «шансон».

Разведчик вдруг почувствовал, как на него наваливаются одновременно дрема, голод и усталость – начинала сказываться практически бессонная ночь. Он даже пожалел на минуту, что не взял с собой этот чертов «мальдоний» или как его там...

Приехав к офису префекта, Лазарев отдал распоряжения

водителю по поводу контакта с Анжелой и передачи ей багажа, забрал из сумки еще одну бутылку йеневера и папку с описанием «квартирного вопроса», попрощался, получив какое-то недовольное бурчание в ответ.

– Не знаю, любезный, какой из вас водитель, но сопите вы самозабвенно, – напоследок дружелюбно сказал Лазарев. – Будь я хореографом, обязательно взял бы вас в академический хор сопунов.

Водитель так и остался сидеть с открытым ртом...

Несмотря на то что Лазарев прибыл к префекту вовремя, тот продержал гостя в приемной минут двадцать, не меньше. Учитывая дальнейшее расписание Владимира, это не радовало.

Хозяином кабинета оказался типичный префект начала XXI века, ничем особо не отличающийся от первого секретаря горкома партии конца XX. Галстук, лежащий почти горизонтально на животе, светлая рубашка, помятый костюм. Хотя да, тут отличие чувствовалось – костюм был гораздо дороже, чем в горкоме. «Не иначе от Версаче», – подумал Лазарев. Но сидел этот «версаче» на владельце как-то несурово: был явно на размер больше, но даже при этом не застегивался на животе.

– Как же, как же, дорогой Владимир Анатольевич, наслышаны, – префект вышел из-за стола и милостиво протянул руку посетителю. Чиновники такого уровня почему-то считали ниже своего достоинства пожимать руку, они именно

вручали тебе свою десницу, чтобы ты мог благодарственно трясти ее, радуясь ниспосланной свыше милости. — Знакомьтесь, это наш начальник департамента по внешнеэкономическим связям Рудольф Михайлович.

Префект указал на стоящего по стойке «смирно» подчиненного, который старательно улыбался голливудской улыбкой. Рудольф был низенького роста, изрядно загоревший, подтянутый, в костюме той же марки, что у шефа, но в данном случае хорошо подогнанном под его владельца. Выражал он полную готовность следовать любым указаниям начальника и в позе верного служки ловил каждый звук, исходивший изнутри того.

Разведчик тут же вручил префекту тот самый «булькающий» сувенир. Чиновник осторожно поинтересовался его назначением.

— Это йеневер, голландская водка. Делают на можжевеле, — пояснил Лазарев.

— А! Джин, что ли?

— Скорее прародитель джина. Британцы в свое время полюбили этот напиток голландских эмигрантов и попытались перенять его, но что-то там напутали с рецептурой и получили джин. Йеневер имеет совсем другой вкус, ближе таки к водке.

— А, женевер! — радостно продемонстрировал свою эрудицию загорелый Рудольф.

— Ну что вы, батенька, не путайте, — пояснил Владимир. —

Женевер – это бельгийская водка, а йеневер – голландская.

– А в чем разница?

– А ни в чем, только в первой букве и в ударении. Но для них это очень принципиально.

Лазарева усадили на стул напротив массивного дубового стола префекта, служка уселся на такой же стул с другой стороны приставного столика. Беседа сразу не особо задалась, Лазарев сам осознавал, что говорит слишком сухо и официально, приводя вполне резонные обоснования переоборудования их уже давно купленного помещения, к которому Солнечный префект по большому счету никакого отношения не имел. Глава округа вальяжно кивал головой и периодически объяснял, насколько важно согласовать вопрос переоборудования со всеми «соответствующими инстанциями». Лазарев бегло изучил вопрос перед встречей, знал, что таковых «соответствующих инстанций» всего две. Но префекту, похоже, такие подробности были неизвестны – да и зачем ему это? Служка Рудольф понимающе кивал после каждого слова начальника и озабоченно поддакивал, когда тот пытался обрисовать невероятную сложность данного вопроса. Лазарев понял, что теряет время, и сразу перешел к вопросу, который, по его мнению, должен был вызвать больше интереса у собеседников:

– Кстати, у вас же тут выборы в городскую думу на носу. Мы могли бы помочь паре-другой ваших кандидатов, пару-другую детских площадок для них соорудить.

На этих словах префект сразу оживился и посмотрел на своего верного оруженосца с видом «Я же тебе говорил!»

— А не продолжить ли нам наше знакомство за рюмочкой чая? — сказал префект и, не дожидаясь ответа, тут же нажал кнопку громкой связи. — Людмила, организуй-ка нам чего-нибудь закусить.

Лазарев понял, что у него возникают проблемы с рейсом. Пока они шли в соседний кабинет, где стояла бутылка коньяка и соответствующие рюмки под сей напиток, Владимир отправил СМС Анжеле: «Похоже, я на полчаса задерживаюсь. Придется в аэропорт гнать».

В 90-е Лазареву пришлось немало пообщаться с такого рода чиновниками, выбивая всевозможные разрешения и лицензии. С тех пор они так и не научились грамотно говорить, носить костюмы и приносить пользу, но вот что они точно научились, так это разбираться в дорогих спиртных напитках. На столе на синей ножке стояла оригинальная, слегка початая бутылка коньяка «Martell L'Art». «Не меньше 3—4 тысяч евро за бутылочку, а по московским ценам — наверняка больше», — мысленно отметил разведчик.

Научились нынешние чиновники, в 90-е хлеставшие любой напиток из граненого стакана, разбираться и в посуде, которая для соответствующих напитков предназначена: раз уж коньяк, значит, шарообразный бокальчик на короткой ножке. Правда, и Лазарев с 90-х изменился. Тогда он не смел особо перечесть высокому начальству по поводу выбора на-

питков и, хоть терпеть не мог коньяк, давился и пил. Теперь же он с досадой пожал плечами и пояснил, что коньяки не пьет.

– И правильно, – пробасил префект. – Мы в России должны пить наш исконный напиток!

Служка тут же извлек из бара бутылку водки «Hoffman».

– Ничего, что водка немецкая будет? – извиняющимся голосом уточнил Рудольф.

Лазарев удивленно поднял брови – он впервые услышал, что «Hoffman» является «немецким брендом». Даже вспомнил, как пил эту водочку с владельцем данного бренда, депутатом Госдумы Яшей Гофманом. Но переубеждать Рудольфа Михайловича не стал – немецкая так немецкая. Тут же с подносами забежала пышнотелая Людмила, на столе появились типичные закуски «под коньячок» – бутерброды с сырами, лимончики, всевозможные нарезки. Почувствовав их запах, Лазарев вспомнил, до чего же он голоден. Он представил, как после первой же рюмки его потянет в сон – лишь бы не развеваться прямо тут.

– Ну, за Россию-матушку, – префект важно произнес первый тост, вынудив всех присутствующих подняться за ним. – Мы, слуги народа, должны всегда помнить, кому мы служим и ради кого вершим наш труд...

Он хотел сказать что-то еще, но то ли забыл, то ли патриотизм момента вызвал душевное волнение, но префект тут же осушил коньячную рюмку «немецкой» водки и закусил

сыром с бутерброда. Лазарев обратил внимание на слезу, выступившую на глазах Рудольфа.

— А что это только я тосты говорю? — ворчливо сказал префект, хотя с момента первого тоста не прошло и минуты. — Ну-ка, Рудольф Михайлович, скажи что-нибудь эдакое. Ты у нас мастер!

Рудольфа уговаривать не пришлось, он тут же подскочил как ошпаренный и начал тараторить:

– Вот вы, Валерий Николаевич, все правильно (впрочем, как и всегда) сказали о нас, о слугах народа, – подобострастно сказал загорелый начальник департамента. – Мы, чиновники, всегда должны...

– Ну, что-ооооо это такое? – выпятив нижнюю губу, недовольно поморщился префект, заставив загорелого Рудольфа слегка побледнеть. – Ну, что это за слово такое: «чинооооовник», «чинуууууууша»? Терпеть не могу этого слова! Мы – государственные служащие, это звучит гордо и наполняет нас совсем другим смыслом!

– Да-да, конечно, – залезбездил моментально «наполнившийся совсем другим смыслом» Рудольф. – Конечно, мы все государевы люди. Извините, Валерий Николаевич, это я, конечно, ошибся. Конечно, мы государственники, веками служим царю и Отечеству. Вот поэтому и предлагаю выпить за царя и Отечество.

Пришлось снова вставать. Лазарев понял, что если сейчас данный процесс пустить на самотек, то ни на какой самолет

он уже не успевает. Посему он быстро перехватил инициативу, произнес изящный «третий» тост за «отсутствующих здесь дам» (не за разведку же ему было пить) и быстренько спустил «государевых людей» с патриотических небес на грешную землю, предлагая обсудить в принципе размер его «взаимовспомоществования» в обмен на указанные услуги по нагибанию «многочисленных соответствующих инстанций». Сошлись на детских площадках и на том, что детали Рудольф обсудит с московскими подчиненными Лазарева. В принципе миссия Владимира была выполнена, и он начал всячески демонстрировать «слугам народа» свое стремление немедленно попасть в Шереметьево.

Раздобревший префект вальяжно начал уговаривать гостя не торопиться: «Мы вам дадим нашего Шумахера с мигалкой – домчитесь за 20 минут». Лазарева никак не радовала перспектива ехать под мигалками – не очень вписывалось в саму концепцию конспиративной работы разведчика. Тем более что он знал: Анжела заменит любую мигалку. Поэтому он все-таки настоял на «коне в морду».

– Ну что ж, дорогой гость, – префект уже совсем рассупонил явно ненавистный ему галстук. – Если будут какие-то проблемы с чинушами в моем округе, если кто будет вымогать, сразу обращайтесь. Всегда милости просим. И давайте в следующий раз не проездом, посидим где-нибудь, попаримся. Кстати, вы в Америке бываете? Вот можете заезжать к Рудольфу Михайловичу, у него там большое ранчо в штате

Невада.

– Большое что, простите? – Лазарев не стал скрывать удивления.

– Ранчо, – любезно уточнил Рудольф, поясняя происхождение своего загара и голливудской улыбки. – Лошадей, знаете ли, люблю. Почти три тысячи акров. Так что окажетесь в наших краях – милости просим, примут по высшему разряду...

Перед тем как сесть в «мерс» Анжелы, Лазарев смачно сплюнул. Он не мог понять, от чего его подташнивало – от «немецкой» водки на голодный желудок или от беседы. Анжела сочувственно глянула на своего «любовника».

– Что? Сильно достали?

– Да бог с ними, – махнул рукой Лазарев, давая понять, что гнать надо очень быстро, но затем все-таки несколько раз повторил: – Слуги народа... Государевы люди... Ранчо... Невада...

Он невольно сравнил себя с этим «государевым человеком»: разве он другой? Ведь и сам Лазарев накопил себе состояние, которое позволяло купить не одно такое ранчо. И ведь тоже все эти годы находился «при исполнении». Неужели между ними нет никакой разницы? «Перестань, – сам себя успокаивал Лазарев. – Ты работал не для денег, а для легенды. Ты делал все это ради службы и ради своей страны. Обогащение и ранчо никогда не были твоей целью. А этот...»

Резкий гудок над ухом и средний палец водителя авто, которое пыталась подрезать Анжела, оторвали Владимира от этого аутотренинга. Он взглянул на часы. До вылета оставалось чуть больше часа, то есть регистрация вот-вот должна была закончиться. Даже теоретически Лазарев уже не успевал, но переносить рейс на поздний вечер ему никак не улыбалось – надо было успеть забрать «посылку» и завершить вопрос с вербовкой оборонного аналитика. Поэтому он позвонил в «депутатский зал» аэропорта и быстро утряс вопрос регистрации его там. Это хоть и стоило немалых денег, но как минимум давало возможность избежать очередей, досмотра и ожидания.

Анжела постаралась на славу, поработав и Шумахером, и мигалкой одновременно, разгоняя по дороге все преграды своим изысканным матом элитной проститутки и периодически извиняясь за это перед своим пассажиром. За 20 минут она, конечно, не доехала, но получаса ей хватило. На нежности времени уже не хватало, поэтому Лазарев расцеловал свою связную, забросил «забытый» у нее дома ноут в сумку и вручил багаж подбежавшим носильщикам «депутатского зала». Дородная тетенька в форме укоризненно глянула на его паспорт, покачала головой, давая всем видом понять, что так опаздывать неприлично, но побежала оформлять «депутатского» гостя на рейс. У Лазарева появилось минут пять, поэтому он схватил с прилавка буфета внушительного вида сэндвич и направился к бару.

Однозначно надо было выпить «на дорожку», с тем чтобы снять стресс и обеспечить себе железные три часа сна до самого Схипхола.

– Дайте мне, пожалуйста, ром, – на ходу жуя бутерброд, попросил Лазарев грозного вида женщину в чепчике «а-ля 70-е годы».

– Нету, – сказал как отрезал чепчик.

– А простите, вот это прямо за вашим левым ухом – разве не Бакарди?

– Федеральный закон! – еще более грозно ответил чепчик, не потрудившись проверить, что там за левым ухом. – Можем продавать только коктейли, могу ром с колой налить.

– Не проблема, – сразу нашелся разведчик. – Мы тогда поступим так: вы мне, пожалуйста, налейте...

– Не выйдет! – не дослушав его, грозно отрезала барменша.

– Вы же даже не послушали, какую концептуально гениальную идею я вам хочу предложить.

– Ха, да как будто вы первый. Думаете, я не знаю, что вы хотите, чтоб я вам налила колу отдельно, а ром отдельно? Но федеральный закон! Не имею права!

– Страсти какие! Неужели есть федеральный закон, в котором прописано, сколько и куда наливать рома и колы? – искренне удивился Лазарев. – О-кей, но ведь федеральный закон не запрещает вам налить мне в этот бокальчик тройную порцию рома и одинарную порцию колы?

Вот тут пришло время удивляться чепчику. Видавшая виды барменша явно не была готова к такой лазейке в строгом федеральном законодательстве. Она какое-то время размышляла, видимо соображая, куда надо будет доложить по окончании смены о такой явной прорухе в законе о соотношении колы и рома. Но все-таки пожала плечами и налила три порции Бакарди в один бокал, оставив совсем незначительное место для колы, которую плеснула сверху для вида. Лазарев расплатился, быстро выпил это «снотворное» и направился за дергавшей его тетенькой в форме – надо было идти на посадку.

По мере приближения к входу в салон бизнес-класса Лазарев уже был в предвкушении сладкого, крепкого, долгожданного сна. Вот он, вход, приветливые улыбки стюардесс «Аэрофлота», жутко жаркий салон (почему-то, заметил Лазарев в ходе своих постоянных перелетов, в «Аэрофлоте» всегда жарко, а в KLM всегда холодят так, как будто ты в морозилку попал), еще чуть-чуть – и его просторное кожаное кресло в третьем ряду, а затем три часа мирных сновидений!..

– О, какая встреча! – прозвучал радостный голос соседа по бизнес-«койке». – Мы что же, вместе летим?

Лазарев чуть было не застонал, увидев на соседнем кресле Николая Соколенко, украинского бизнесмена, который в свое время пытался набиться в бизнес-партнеры и сам имел какой-то мелкий бизнес в Нидерландах. Соколенко был быв-

шим военным офицером, служил в Афгане, затем занялся бизнесом и политикой. Насколько Лазарев помнил, у его попутчика была когда-то и своя карманная партия на Украине (какой от нее теперь толк в условиях войны?). Сейчас Соколенко, судя по новостям, выступал в роли «миротворца» между Украиной и ДНР, периодически выступая и на российских ток-шоу, в которых последние месяцы обсуждалась только эта война, то есть в тех самых «мыльных операх», которые так любила Анжела.

Лазарев с ужасом осознал, что его мечты о трехчасовом сне вплоть до Схипхола накрываются медным тазом.

– Слушайте, Николай, вот почему так? Если ЦРУ хочет завербовать будущего президента Украины, ему обязательно в самолет подсовывают в качестве соседки по креслу симпатичную девицу, которая должна охмурить его и сделать своим мужем? А мне почему-то подсовывают вас? Почему ни разу не попытались охмурить девицей-то?

Соколенко явно чего-то не понял, но из вежливости посмеялся. Как ни пытался затем Лазарев демонстративно поклевать носом, украинский «миротворец» всю дорогу исправно рассказывал о своих поездках в Киев и Донецк.

Сбежал от навязчивого собеседника Лазарев только в аэропорту – благо в Шереметьево из-за спешки никто сдавать его вещи в багаж не стал, а потому у Владимира оказался гандикап перед Соколенко.

Весь Схипхол по-прежнему, как и перед вчерашним отле-

том, был забит цветами в память о жертвах разбившегося над Донбассом «Боинга». Теперь к цветам добавились и портреты некоторых погибших, при вылете Лазарев их не видел. Он купил тут же, в зале аэропорта, букет тюльпанов и положил рядом с первым попавшимся портретом молодой пары. Невинные жертвы этой безумной войны. Их было искренне жалко, хотя по понятным причинам Лазарева корбило оттого, что до сих пор в Голландии никто особо не обращал внимания на сотни таких же невинных жертв бомбежек в Донбассе. Если не тысячи. Судя по тому, что украинская авиация прекратила варварские авиабомбежки сразу после трагедии с «Боингом», получалось, что эти невинные голландцы и малазийцы (?) своей ужасной смертью невольно защитили тысячи стариков и детей Донецка или Луганска. Возможно, и его маму... Сердце Владимира сжалось...

В отличие от Москвы, в Голландии Лазарев старался поменьше пользоваться автомобилями, предпочитая быстрый и комфортный общественный транспорт. Тем более что добираться из аэропорта в Гаагу на машине было бы дольше, чем на поезде. Он купил билет первого класса в скоростной двухэтажный «Интерсити», спустился прямо из зала аэропорта под землю и уже через полчаса был на Центральной станции Гааги. До дома пешком ему было минут десять, не больше. Еще ближе был дом Тани, но сегодня он никак не успевал.

– Привет, моя девочка, я уже прилетел, – доложил Лазарев

по телефону. – Соскучился сильно.

– Ну так приходи, мой хороший. Мы с Димасей тоже соскучились, – нежно проворковала Танечка. Да так нежно, что Лазареву захотелось бросить все дела на сегодня.

– Извини, но сегодня я уже никак не успеваю. У меня еще встречи до самой ночи. Я ведь завтра выходной себе взял, по известной тебе причине.

– Спасибо, Володюшка! Я завтра тебе после школы Диму завезу, он уже не терпит, говорит, что ему надо какую-то миссию на «Майнкрафте» пройти. Только ты ж помнишь?

– Да-да, – покорно сказал «Володюшка». – Отгонять от «икс-бокса» и никаких пицц! Только бургеры!

– Кам ооооон, – протянула Таня, всегда любящая вставлять английские фразы в русскую речь.

– Шучу-шучу, моя родненькая, купил для вас красной икорочки, как он любит. Сейчас запасусь белым хлебом и маслом в честь такого дела.

Танюша куда-то в сторону сообщила о красной икре, после чего издали раздались радостные детские крики.

Лазарев познакомился с Таней и ее малышом чуть больше трех лет назад, но уже не мог представить жизни без них. В его судьбе было немало женщин, но как только он встретил Танечку, все остальные враз померкли. Молодая амбициозная бизнесвумен, Татьяна долгие годы пробивалась на вершину корпоративной лестницы в финансовом бизнесе и осуществила свою давнюю мечту детства: свалить любой це-

ной с опостылевшей ей Украины, пристроившись на менеджерскую позицию в гаагской штаб-квартире международной финансовой корпорации.

Они сошлись сразу. Еще бы им не сойтись – оба бывшие дончане, оба были вечно заняты, выкраивая время друг для друга, оба имели родственников в одном и том же городе, у обоих были одинаковые традиции и привычки. Да и к тому же оба любили теннис, который их, собственно, и познакомил. Как оказалось, в детстве у них были даже одни и те же донецкие тренеры (или как говорила Таня, тренера). Правда, Лазарев был постарше и они не пересекались вместе. Но вспомнить им было кого. Владимир не стал профессионалом, но поигрывал очень даже неплохо, а Танюша по молодости лет даже входила в какие-то рейтинги, была первой по Украине в своей возрастной категории. Так что партнерами они стали неплохими. В те редкие времена, когда оба находили время «постукать» (Танин термин), вокруг их корта вечно собиралась публика, с открытыми ртами глядя на игру двух «профи». Конечно, Владимир практически всегда проигрывал: во-первых, он и играл похуже; во-вторых, он не был настолько азартным, как его партнерша, и всегда милостиво уступал ей, когда она при явном его попадании в корт показывала пальцами «вооот такой аут». Как тут было не уступить?

«Контора», конечно, была не в восторге от их романа. Там долго подозревали Таню в работе на СБУ, устраивали раз-

личные проверки. Но поняв, что она не является «засланным казачком», оставили ее в покое, даже найдя определенные плюсы: Танюша действительно быстро продвигалась по карьерной лестнице в финансовом бизнесе, и ее информация в ближайшем будущем могла очень пригодиться. Владимир не спорил с такими доводами, хотя в глубине души понимал, что использовать любимую девушку в качестве источника информации ему не позволит совесть.

Лазарев и не заметил за мыслями о Тане, как уже был в Бинненхофе – внутреннем дворе голландского парламента, то есть на полпути к дому. На улице было не так жарко, как сутки назад, когда он улетал, можно даже сказать, довольно прохладно – всего градусов двадцать. Но рубашка под пиджаком и тяжестью сумки взмокла. Он понял, что надо бы принять душ с дороги. Значит, чтобы успеть все дела на сегодня, надо было поторопиться.

Еще минут через пять он прошел дворец Ноордайнде – рабочую резиденцию короля – и свернул на тихую боковую улочку, точнее, проулочек между увитой плющом стены королевского дворца и несколькими древними покосившимися 3-4-этажными домиками. Мощный наклонившийся ствол сирени создавал в этом проулке природную арку, которую так любили фотографировать изредка забредавшие сюда туристы.

Собственно, здесь Лазарев и жил последние десятилетия. Он обожал это место. Разведчик снял трехэтажный слег-

ка покосившийся дом XVII века, находящийся практически внутри королевского дворца, еще в середине девяностых, когда начал зарабатывать первые более или менее приличные деньги. По тем временам ему казалось, что он платил бешеную аренду. Но дом ему сразу приглянулся буквально всем. От него дышало историей – как сказал хозяин, этот дом служил чем-то вроде гаража для королевской кареты, а затем был переоборудован под жилой. Немаловажным фактором был вопрос безопасности – российский разведчик практически жил под усиленной охраной королевской службы, наблюдавшей за этим участком буквально со всех сторон. Плюс удобное местоположение в самом центре города, прямо в Дворцовом парке, откуда каждый день доносились неимоверно красивые песни разнообразных птиц. Когда Лазарев мог себе позволить купить уже солидную виллу где-нибудь в элитных районах у моря, он выкупил именно этот домик. В принципе это не было тайной – информацию о собственнике дома легко можно было найти и в Интернете. Но разведчик решил не сообщать о покупке в Центр, где не очень приветствовали бы такой шаг. А зачем? Захотят – сами узнают, а если не захотят рыться – значит, оно им и не надо.

С момента въезда в дом Лазарев фактически ничего в нем не поменял – уж больно ему нравились древние зеркала, антикварная мебель и, конечно же, старый камин, переоборудованный под газ. Только где-то в начале 2000-х он вместо дворика с задней стороны дома пристроил себе современную

спальню с удобной террасой на крыше, что стоило ему немалых денег и хороших отношений с соседями, засыпавшими его жалобами по поводу строительных работ.

В общем, Лазарев любил свой древний домик. И тем печальнее ему было осознавать, что, похоже, пришло время с ним расстаться. Он понимал, что надо уже съезжаться с Татьяной, к чему она была готова с самого начала. А для троих этого дома, вполне достаточного для него одного, было бы маловато. Ах нет, для четверых – как же можно забыть любимого кота Тани! Тот хоть и ревновал жутким образом Владимира к своей хозяйке, но оставить его никак нельзя было.

Приняв душ, Лазарев быстренько пробежал новости на айпаде и, несмотря на вечернее время, пошел выпить кофе. Иначе он совсем уж заснул бы. Однако кофейный аппарат привычно забарахлил, отказываясь пролить хотя бы каплю живительного напитка. Владимир чертыхнулся, с завистью вспоминая безотказную кофейную машину не менее безотказной Анжелы. С пятой попытки, угробив массу отборных кофейных зерен, он все-таки нацедил себе полчашки эспresso, включил телевизор и снова углубился в чтение последних новостей и написание срочных мейлов.

На несколько минут его оторвал звонок Макса:

– Привет! Как долетел? Как Солнечный префект?

– Долетел, спасибо. По префекту я уже скинул информацию в Москву, ты – в копии. Вопрос решен. Точнее, решится, когда мы профинансируем детские площадки для их

предвыборных нужд. Само собой, через какой-то частный как бы предвыборный фонд.

Макс тяжело вздохнул, но в конце концов он понимал цену вопроса. Бизнес-партнер Лазарева имел уже немалый опыт работы с российскими чиновниками и бизнесменами, хорошо разбираясь, как делается бизнес там. Сам он русско-го и не думал учить, а со своим начальником всегда общался по-английски. Лазарев приехал в Нидерланды, прекрасно зная голландский язык, даже несколько его диалектов – подготовили его очень хорошо. Но в интернациональной Гааге ему вполне хватало английского, поэтому он многие годы прикидывался не понимающим голландский. И это было порой очень удобно – Лазарев часто пользовался этим в компании голландцев, не догадывавшихся, что их собеседник внимательно вникает в смысл их переговоров. Но в конце концов надо было получать гражданство – так что поневоле пришлось «учить» голландский язык снова, на этот раз ломаный. Однако с Максом по привычке они так и продолжали англоязычные беседы.

– Владимир, я все-таки серьезно хочу поговорить о необходимости взять кредит под закупку дополнительной нефти и доли в роттердамском нефтехранилище. Ты все отмахиваешься, но мы можем упустить момент, – по голосу Макса чувствовалось, что он настроен решительно, то есть на этот раз надо было расставить точки над «i». – Пойми, нефть сейчас на низшей точке. Все нефтегазовые эксперты сходятся

во мнении, что ниже ста долларов за баррель она не упадет, а дальше будет только расти. Мы сейчас можем воспользоваться столь низкой ценой, а спустя несколько месяцев неплохо на этом заработать.

– Все? – после небольшой паузы уточнил Лазарев. – Макс, я тебя прошу, не слушай ты этих нефтегазовых экспертов. Ты помнишь, как они все (то есть поголовно все!) в один голос твердили на пиках цен, что нефть уже не будет падать никогда! И в 2008-м она буквально на глазах обвалилась со ста сорока до тридцати долларов! Помнишь, в какой заднице мы могли бы оказаться тогда, доверившись этим, прости господи, экспертам, если бы цены потом не отыграли назад? Я думал, ты с тех пор понял цену всем этим экспертам и аналитикам...

– Да, но...

– Погоди-погоди, я еще не закончил... Я для себя с тех пор сформулировал одно правило: послушай нефтяного эксперта – и сделай все с точностью до наоборот. Макс, когда ты уже поймешь, что нефть и газ давно уже перестали быть экономической категорией? Это – чистой воды политика. Точнее – грязной воды. А уж поверь, в политических и геополитических раскладах я разбираюсь лучше и тебя и твоих экспертов вместе взятых. Нефть будет еще падать, попомни мои слова. Особенно когда заработают санкции против России.

– Ты думаешь, они все-таки будут?

– Завтра увидишь. Всенепременно.

– Но ведь это ударит и по нам!

– Так а я тебе о чем! Нам сейчас нужно заботиться не о расширении бизнеса, не о кредитах, а о том, как бы самим не оказаться под санкциями. А ты мне предлагаешь взять деньги в долг под личные гарантии да еще вложиться в терминал, который строит российский олигарх, который завтра тоже может оказаться в «черном списке». Погоди немного, забудь о расширении, повремени с наполеоновскими планами, укрепись на завоеванных позициях, окопайся и жди, как будут дальше развиваться события.

– Погоди, как это мы можем оказаться под санкциями? – голос Макса звучал обескураженно. – Мы ведь не российская компания, а голландская.

– Да, но торгуем-то российской нефтью и российским оборудованием! Кроме того, ты что же, думаешь, Москва будет в сторонке наблюдать за происходящим и не будет вводить санкции в ответ?

– Но ты-то решишь все проблемы в Москве?

– Это же может не от меня зависеть. Если начнутся секторальные санкции и правила будут устанавливаться для целых секторов бизнеса, то исключений не будет. Но повторяю, если Запад в итоге решит ввести эмбарго или ограничения на российские нефть и газ, то мы пострадаем в любом случае, вне зависимости от связей и лоббизма. А ты мне предлагаешь сейчас кредиты брать!

Макс был явно недоволен итогами беседы, но перечить

начальнику не стал, понимая бесполезность этой затеи. Голландец был незаменим в вопросах принятия каждодневных решений, но стратегия развития компании была по-прежнему делом исключительно Лазарева.

Нестерпимо хотелось спать. Он с досадой глянул на кофейный аппарат и махнул рукой – жаль было времени на то, чтобы снова возиться с ним. В холодильнике было пусто, если не считать привезенных из Москвы банок с икрой. Ни свежего хлеба, ни масла для икры. Он вспомнил, что обещал Тане купить все это, но бежать в магазин тоже не хотелось – завтра с утра все купит, до приезда Димаси из школы.

Порывшись в шкафу, Лазарев нашел банку какой-то тушенки. Срок годности вроде бы был еще нормальным. Владимир давно уже отказался есть подобным образом «на скорую руку». Мало того, познакомившись с Татьяной, он вдруг открыл в себе доселе дремавший талант кулинара – он находил настоящее удовольствие в том, чтобы лакомить свою девушку и особенно Диму, любителя вкусно покушать. И всегда старался находить свободное время, чтобы приготовить им чего-нибудь «такого эдакого». Но, во-первых, сегодня не было времени на кулинарию, а во-вторых, надо признаться, никакого удовольствия от приготовления пищи для себя он не испытывал, делал это исключительно ради того, чтобы побаловать родных ему людей.

Пока открывал банку и жадно ел тушенку, закусывая ее макеевским маханом, услышал краем уха по телевизору но-

вость о том, что король с королевой готовятся к юбилею свадьбы. Машинально отметил для себя, что надо бы уточнить дату – обычно праздничные мероприятия во дворце сопровождались перекрытием единственной дороги, ведущей к его дому. Поэтому желательно было знать заранее график этих перекрытий, дабы не встрять.

И вдруг его мысли как будто бы споткнулись сами о себя: «Постой, как юбилей! Какой юбилей!» Лазарев отчетливо помнил день свадьбы короля (тогда еще, разумеется, наследного принца). Это наверняка была зима! Он помнил пятиметровый свадебный шлейф будущей принцессы, который все время поправляли довольно тепло одетые дамы в красном. Да, в Амстердаме тогда был яркий солнечный день, но это точно был то ли январь, то ли февраль! Какой же год это был? 2001-й? 2002-й? Ну да, точно было начало 2000-х. Какой же юбилей, да еще и летом? Не настолько ж он впал в старческий склероз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.